

Наиль Муратов

Адажио

Никогда не употреблял наркотиков. Даже в руках не держал. Но можете смело называть меня наркоманом, потому что так оно и есть. Приподнятость, опьянение, эйфория – бонусы за честно исполненную работу! – раз от разу сменяются выворачивающей наизнанку ломкой.

Кто Тот, сидящий во тьме? Управление – его крест, если он умеет чувствовать так, как я. По сути, этот человек и есть Бог, дарующий свежую дозу смертному, когда ломка становится невыносимой. Дозу, возвращающую к жизни. Или к смерти, если вы любите парадоксы. Нареките его Сатаной, суть не изменится, доза останется той же.

Всегда разная и всегда одинаковая, внешне она выглядит, как конверт с вложенной в него запиской. В ней имя и адрес того, кого невозможно спасти, и в первую очередь от самого себя. В любые времена рождаются люди, несущие особый род зла – маниакальную склонность к убийству. Общество научилось распознавать большинство из них еще до совершения преступления. Всеобщее психологическое тестирование, контроль соцсетей и переписки – все это очень эффективно. Но нельзя законно изолировать потенциального Джека Потрошителя, основываясь лишь на его готовности убивать. Единственный выход – тайное физическое устранение, что по отношению к обществу можно назвать благотворительностью. Благотворительность – ширка не худшая, чем любая другая, если ты по-настоящему настроен на добрые дела. Иначе это не работает, напротив, разрушает личность. Как вы наверняка догадались, я досрочно отправляю будущих убийц на тот

свет, сам Господь запрограммировал меня на это. Он знает, что никому другому не по силам выполнять мою работу.

Устранить причину – благое дело, если ее следствие – потенциальная резня. А на благое дело моя тонкая душа отзывается музыкой. Адажио начинает звучать, когда я еще только подбираюсь к тому, кто уже обречен. И с каждым шагом становится громче, достигая апофеоза перед выстрелом. В такие моменты я могу даже заплакать, ощущая любовь к человечеству так сильно, что становлюсь сентиментальным.

Любовь к человечеству? – удивитесь вы. И кто бы о ней говорил! Неделок, слепленный на скорую руку. Может ли такой, как я, чувствовать? И имеет ли право рассуждать? Сидящий во тьме иногда сравнивает себя с садовником, а меня с ножницами. Но это не так: ножницам все равно, что отсекать, а мне нет. И единственное, что не дает пойти вразнос после очередного устранения, – понимание того, что убрать больную ветвь – святая задача как для садовника, так и для секатора в его руках.

Сегодня такая ветвь прячется от мира за дверью коттеджа в дорогом пригороде. Самом дорогом, насколько мне известно. Долгий звонок, затем створки двери распахиваются, и из открывшейся гостиной выплескиваются звуки адажио, перебивая мелодию, уже зародившуюся в моей душе. Адажио против адажио, что может быть нелепей и прекрасней? Замираю, замороженный. Человек в черном – цвет зла! – щурится, рассматривая мои руки, свободные от оружия. И удовлетворенно произносит:

– Проходи!

Удивительно, до чего этот тип уверен в себе. Обычно все происходит иначе: растерянность, досада, даже ярость из-за вторжения незваного гостя, но только не снисходительность. Никогда никого не убивал сразу, без попытки успокоить, всегда бесполезной. Этого успокаивать не надо.

– Заждался тебя, – говорит он весело и заходит в дом.

Следую за ним. Выстрелить успею, сейчас важнее разобраться, что происходит.

– Мы знакомы?

– И да, и нет.

Его взгляд по-прежнему насмешлив. Видя мое недоумение, он поясняет туманно:

– Все зависит от того, с какой стороны занавеса смотреть – со сцены или из партера.

А затем садится в кресло и небрежным жестом указывает на другое. По-прежнему не боится, хотя, скорее всего, догадывается, в чем дело.

– Считаешь, что я и есть зло? – спрашивает, заранее зная ответ.

Если человека не пугает смерть, скрывать правду нет смысла. В ответ на мое «да» он усмехается невесело:

– Боюсь, у тебя далеко не полное представление о жизни, мой мальчик! Самое большое зло – ты сам.

– Ерунда! – стараюсь отвечать спокойно, хотя вряд ли это его обманет. – Рассматривайте меня как некую вещь, как продолжение руки Того, Кто вершит миром. А вашу смерть – как необходимость.

– Неужели ты до сих пор веришь, что ножницы в руках садовника, отсекающего гнилую лозу, остаются невинными? – спрашивает он.

Дьявольщина, он в курсе! И хочет, чтобы я знал об этом. Вконец растерянный, замечаю, что из двух мелодий, закруживших танго в моей голове, осталась только одна – чужая! А та – собственная! – исчезла бесследно, оставив меня без законной дозы.

Достаю оружие, чтобы покончить с порождением тьмы, пока оно не покончило со мной. Никакой тревоги на его лице! Полное равнодушие, явно не показное: он по-прежнему меня не боится. Будь ты проклят, слуга хаоса! Видя мои страдания, он предлагает:

– Можешь попытаться, все равно ничего не получится!

И это правда, я знаю. Выстрелить ему в сердце, а потом по протоколу в голову не выйдет, рука отказывается слушаться.

– Видишь, я говорю правду, – смеется он. – Можешь мне доверять.

– Кто вы?

– Твой друг! – подчеркнуто сердечно произнес он.

Почему я должен ему верить? Возражаю упрямо:

– У недочеловека не может быть друзей!

– Недочеловека? – удивляется он. – Не слишком ли самокритично? Откуда такая минорная нота?

– Из ощущений.

Как объяснить то, чего не знаешь! Были ли у меня родители? Нет информации. Один ли я такой? Нет информации. Что делает меня иным, ненастоящим? Нет информации. Почему я могу то, чего не может ни один человек? Нет информации. И так до бесконечности – абсолютная секретность, белое пятно на карте в самой нужной области.

Не удовлетворенный уклончивым ответом, незнакомец предлагает задавать вопросы. Их много: кто я есть? почему один? где собратья по крови, такие же отверженные?

Вглядываюсь в лицо, изрезанное сеткой морщин. Ничем не примечательное, можно сказать, заурядное. Выдают глаза, в них – стальной блеск.

– Ты и вправду такой один, – подтверждает он неторопливо. – Наверное, горько это ощущать, да?

Конечно, горько, потому что нет ничего отвратительнее одиночества. Ты словно в карцере, в котором ни стен, ни решеток, только пустота. Не слишком ли суровое наказание за инаковость?

Он кивает, а затем поясняет, что и сам страдает от того же. Кто еще более одинок, чем вершитель судеб?

Когда он задает этот вопрос – себе, а не мне! – с глаз словно спадает пелена. Оказывается, я должен был отсечь не ветвь, а ствол. И это стало бы настоящей трагедией, потому что напротив меня, щуря глаза от резкого света, развалился в кресле тот, кого я называю Сидящим во тьме.

– Жаль, что ты воспринимаешь себя как недочеловека, – говорит он. – Все задумывалось с точностью до наоборот – создать сверхчеловека.

– Сверхчеловека?

– Ну да, но, как всегда, реальность оказалась сложнее. Знаешь ли ты, что такое синаптический прунинг?

– Боюсь, что нет.

– Это естественный процесс в мозгу каждого ребенка. За счет удаления и перераспределения синапсов нейронная сеть до определенного возраста совершенствуется, процесс заложен в человеческих генах.

Сидящий во тьме на секунду-другую умолкает, не решаясь сообщить мне то, что в иных обстоятельствах осталось бы тайной.

Нетрудно догадаться, что речь пойдет об экспериментах над моим мозгом. И он это подтверждает:

– Идея виделась простой: управляя прунингом так, чтобы психика мальчика стала мало зависимой от сексуального влечения, получить холодного бесстрастного исполнителя, расчетливого, как компьютер. Биохимики клялись, что их методы не дадут осечки.

– Но они не справились, да?

– Как и всегда, реальность оказалась сложнее замысла. Некоторые дети умерли сразу, а оставшиеся сходили с ума по ходу эксперимента, их пришлось изолировать. Мозг по-прежнему остается непознаваемым, и вряд ли это когда-нибудь изменится.

– Но один подопытный все еще на свободе.

В моем голосе нет ни упрека, ни понимания, ни даже сожаления, только ирония. Сидящий во тьме, чувствуя себя неуютно, сочувственно вздыхает. Говорит, что я – исключение, подтверждающее правило. Убить во мне чувственность не удалось, мозг просто переформатировался, и любовь – в отсутствие сексуального подтекста – стала аморфной любовью к человечеству в целом. А это никак не способствует моему основному предназначению – устранять противников власти.

Что за чушь! Каких еще противников власти? Не сдержавшись, кричу ему в лицо:

– Ну уж нет, я защищаю общество от маньяков! Не вы ли сами мне это внушали?

– Рад, что ты догадался, кто я, – сухо замечает он. – Признаться, уже перестал надеяться.

– И это притом, что вы изуродовали мой мозг? – парирую дерзко. – Сами напортачили, сами и расхлебывайте!

Мой выпад его не оскорбляет. Вздохнув, он заверяет, что не имел прямого отношения к проекту вплоть до финальной стадии.

– Когда нужно было убивать, – уточняю угрюмо. – Должен заметить, что вы отлично справлялись, наставляя меня. Я всецело вам доверял.

Возражений нет, мы оба знаем правду. Смущает то, что голос его не похож на голос Сидящего во тьме, но он поясняет, что тембр изменяется при прохождении через поляризованное поле,

не пропускающее света. Учитывая деликатность ситуации, к общению со мной никого другого не допускали.

– Неужели? – спрашиваю, не скрывая иронии. – Но кто-то же дал приказ избавиться от вас!

– Вообще-то, я сам написал адрес в задании! – задумчиво говорит он. – Другой возможности поговорить с тобой не под запись не существует.

Поговорить, но о чем? Понимаю его все меньше, мутная личность, ошибочно приравненная мной к Богу.

– Ну что, я перестал быть для тебя авторитетом? – усмехается он. – Не переживай, так даже лучше. Избавиться от иллюзий полезно.

– Любовь – не иллюзия, а состояние души! – возражаю я. – Но вы хорошо попользовались моей наивностью, поздравляю!

– Ошибаешься, в этом не было ничего личного. Тебя создал не я, а система, и она же сознательно использовала тебя в своих – довольно-таки гнусных! – целях.

– Под вашим руководством. Вы – ее олицетворение!

Не могу скрыть озлобления, да и нужно ли? Если он говорит правду, то мир, который я знал, рухнул в преисподнюю.

– Был олицетворением, – поправляет он. – Как видишь, все изменилось.

Моих способностей явно недостаточно, чтобы понять его, но что можно требовать от ошибки эксперимента?! Сжимая рукоять пистолета, по-прежнему не могу выстрелить. Да и зачем? Не это моя цель, не это. Что-то случилось с Сидящим во тьме, а значит, что-то случилось с обществом. И теперь оно ждет, когда я разберусь с вылившимся на меня дерьмом, чтобы потом разобратся со мной. Назовите это интуицией, истинной или ложной – все равно, потому что разница между истиной и ложью существует только в наших головах. Что нового хочет сказать мне человек, разочаровавшийся в жизни? Вероятней всего, то, что заставит разочароваться и меня тоже.

– Вы действительно готовы рассказать всю правду? – спрашиваю осторожно.

– Иначе зачем тебя было звать? – подтверждает он.

И после паузы сообщает, что смертельно устал. В первую очередь быть слугой преступной системы, более того – одним

из главных ее винтиков. Когда-то иллюзии были и у него, эрраре хуманум эст. Сейчас их нет.

Да, человеку свойственно ошибаться. А такому неполноценному, как я, вдвойне. Но сейчас у меня нет права на ошибку. Слишком много поставлено на карту.

– За что ты любишь нас, обычных людей?

– За стиль жизни, – отвечаю, не колеблясь.

Есть две вещи, мне недоступные, – чувство к женщине и стремление к успеху. Думаю, именно они определяют стиль жизни человечества. Сидящий во тьме вновь не соглашается. По его мнению, оба эти качества необходимы только для размножения, есть вещи поважнее.

– Что именно? – спрашиваю я.

– Способность к совершенствованию. Без этого наступает стагнация.

– Человечеству стагнация не грозит, – улыбаюсь я.

– Откуда такая уверенность? – заинтересованно спрашивает он.

– Вся социальная жизнь настроена на движение, на борьбу.

– На самом деле лишь на их имитацию, – поправляет он. – В чем, по-твоему, заключается борьба?

Странно, что Сидящий во тьме не понимает очевидных вещей. Общество достигло высшей ступени расцвета, это знает любой школьник. Роботизация освободила людей от рутинного труда, позволяя раскрыть истинный потенциал каждого. Боже, да сейчас всякий – если не художник, то писатель! Но борьба никуда не делась, просто перешла в творческую сферу. Постоянные соревнования стран, городов – настоящие битвы гладиаторов, где оружие не меч или трезубец, а слово, кисть, музыкальный инструмент. В такой битве нет проигравших, и – самое главное! – убитых. Разве это не прекрасно?

Но я его не убедил. Сидящий во тьме спрашивает:

– Ты слышал что-нибудь о естественном отборе?

И сам же отвечает:

– Разумеется, нет, ведь о нем ни слова в образовательных программах. Скажи, если заяц убегает от волка, кто из них в большей опасности?

– Ясно, что заяц, – улыбаюсь я. Мог бы что-то и посложнее спросить.

– Ошибаешься, оба.

Видя мою реакцию, он продолжает:

– Задумайся, что будет, если он не догонит ни одного зайца?

Черт, а ведь он прав! Волк умрет от голода.

– Видишь, природа заставляет совершенствоваться их обоих, каждый должен стать быстрее и выносливее, иначе погибнет. А какие стимулы у современного человека? Никаких! Вот почему он становится все более изнеженным. Природа безжалостна, но человечество об этом забыло. И теперь расплачивается сокращением срока жизни и нашествием неисчислимых болезней.

– Люди совершенствуются! – настаиваю я. – Только не физически, а умственно.

– С чего ты взял? – спрашивает он едко.

И смеется, да еще так обидно. Не сдерживаясь, не пытаюсь соблюдать приличия.

– Время от времени мы исследуем уровень интеллекта населения, – говорит наконец. – Результаты неутешительны: человечество тупеет. Понятно, что это секретные данные.

– Но ведь столько творческих лиц... – в моем голосе нет уверенности.

– Не создавших за сотню лет ни одного настоящего шедевра. Искусство процветало до середины прошлого века, дальше – эпоха безвкусыя, – язвительно сообщает он. – Запомни, в творчестве количество не переходит в качество автоматически, гений должен пройти свой тернистый путь. Из суррогата ничего не произрастет.

Неужели он прав? Неужели человечество, которым я так восхищался, на деле – сборище вырожденцев? Чувствую, как теряю точку опоры. Горечь в душе растекается так широко, что ощущается даже на кончике языка. Угадав мое состояние, Сидящий в темноте сочувственно произносит:

– Во всем этом есть один плюс. Ты должен перестать относиться к себе как к недочеловеку.

Его взгляд сосредоточен, сейчас будет сказано нечто важное. Что-то перерождается в душе, чувствую себя почти равным ему – наполовину богу, гранитное изваяние которого, даже покрытое сетью трещин, внушает леденящий страх. Нужна ли сверхчеловеку

любовь? Определенно, нет, если ощущать собственную значимость так, как сейчас ощущаю ее я.

– Готов ли ты начать новую жизнь, сынок? – отечески спрашивает он.

– Да, – отвечаю, не колеблясь. – Что я должен делать?

– Что *мы* должны делать, – поправляет он.

И поясняет, что – с моей помощью – собирается изменить мир. Вернуть его к естественному течению жизни. А для этого нужно по горло загрузить людей реальной работой, поскольку праздность убивает вернее, чем наркотик.

– Загрузить работой? Как вы это себе представляете?

Мое сомнение его не раздражает, Сидящий во тьме смотрит по-прежнему доброжелательно. Не сомневаюсь, все просчитал заранее.

– Непростая задача, – соглашается он. – Но знаешь ли ты, как устроено наше общество?

А что тут не знать! Есть политики, и есть все остальные – те, кто ничего не решает. Да и не хочет решать, по моему глубокому убеждению! Всем на все наплевать, кроме победы в батле. Так что козыри на руках у тех, кто руководит процессом. И вряд ли им захочется что-то менять.

– Не захочется, – улыбается Сидящий во тьме. – Но проблема вовсе не в политиках. На самом деле они редко принимают самостоятельные решения.

– Тогда кто?

– Клуб, – небрежно бросает он.

И, видя мое недоумение, вздыхает:

– Видишь, ты о нем даже не слышал. Кто, по-твоему, истинно богат?

– Счастливчики, что выигрывают престижные конкурсы или батлы на основных каналах. Это немалые деньги. На широкую ногу живут и политики, их содержит государство. Остальные довольствуются малым – социальным пакетом.

– А откуда государство берет на все это деньги? Ведь они должны быть чем-то обеспечены, не так ли?

Что за странный вопрос? Разумеется, деньги обеспечены товаром. Промышленность-то работает безукоризненно. Вон сколько заводов вокруг каждого города!

– Да, но кто ими владеет?

И правда, кто? Такой вопрос никогда не приходил мне в голову, какая разница, в конце концов! Может, заводы принадлежат государству?

– Нет, конкретным людям. Наиболее богатые и влиятельные из них организовали Клуб, а он, в свою очередь, финансирует политиков. И правит миром. Как видишь, все очень разумно. Просто никто этого не афиширует.

– Вы тоже из Клуба? – спрашиваю, заранее зная ответ.

– Да, но не из основных игроков. Их всего дюжина – тех, кто принимает решения. А я только исполнитель.

Непохоже, что ему нравится собственная роль. Как и мне моя. Да, он не лжет. Странное ощущение невесомости: смысл существования потерял, новый – не приобретен. Так какую судьбу готовит мне Сидящий во тьме? Кроме как убивать, я ни на что не способен.

– А ничего другого и не нужно, – дружелюбно сообщает он.

Вот ведь сволочь! Рассчитывает купить меня новой дозой, но не понимает, что убийство критиков власти ею не станет. Человека можно лишить жизни, только если он опасен для окружающих, но никак не в интересах кучки безликих богатеев. Ничего не получится, я просто не смогу. Гуманизм врос в мое сознание так же глубоко, как верблюжья колючка в песок пустыни.

– Знаю, – говорит Сидящий во тьме. – Клуб использовал тебя для расправы с теми, кто начинал что-то понимать, и это травма, с которой мало что можно сделать. Но выход есть.

– Какой?

– Клины вышибают. Пора устранить тех, кто отдавал преступные приказы. Уж это точно будет благим начинанием.

Вот, оказывается, в чем дело. Опять убивать, но теперь уже без музыки в душе, потому что она никогда больше не зазвучит. В одну реку не войдешь дважды, да и убийством ничего не добьешься. На смену выбывшим членам Клуба придут другие, имя им – легион. И что изменится? Нет уж, игры со смертью закончены!

– Понимаю тебя, – говорит Сидящий во тьме. – Бесцельное убийство претит и мне. Но ты ошибаешься, цель у нас есть. Сделать мир лучше.

– Как? – спрашиваю горько.

– Да, это непросто, – признается он. – Есть риск, и немалый. Но в риске своя прелесть – перестаешь относиться к жизни как к существованию.

«Не понимаю, зачем ему это? Для чего менять мир, когда ты и так находишься почти на самом верху? Если это не ловушка, то что? Каковы его истинные намерения?» – вот вопросы, которые Сидящий во тьме ухитряется прочесть на моем лице.

– Ты умнее, чем я предполагал, – замечает задумчиво.

И это так, что удивляет меня самого. Но зачем я нужен ему, безумцу, надумавшему переломить хребет обществу одним только своим желанием?

– Придется открыть тебе *всю* правду, – вздыхает Сидящий во тьме. – На самом деле мой интерес главным образом личный.

Вот теперь ему можно верить на все сто. И оттого он перестает казаться безликим – человек, использующий честность как товар. И когда сообщает, что попал в опалу, оснований сомневаться нет.

– Месяц-другой – и меня отправят на пенсию. Взамен поставят молодого – полного идиота. Ты хочешь, чтобы тобой командовал идиот?

Хороший вопрос, но отныне я не хочу, чтобы мной вообще кто-нибудь командовал. Лишенный дозы, я – не исполнитель, неужели это еще непонятно?

– Подумай о том, на что себя обрекаешь! – в сердцах восклицает он.

– Думаете, мне грозит опасность?

– Скажи я «да», покривил бы душой, – нехотя признается он. – Все, что они могут сделать, – перевести тебя на пособие. Будешь влачить жалкое существование.

– Как-нибудь переживу.

– Не переживешь, – хмурится он. – Ты просто себя не знаешь.

– Вы понимаете меня лучше, чем я сам? – спрашиваю холодно.

– Вообще-то, да. Ты сойдешь с ума без этой своей музыки.

Можно не сомневаться, он *знает!* Адажио, все еще звучащее в доме, тому прямой намек. Но Сидящий во тьме – не Бог, откуда ему известно то, что могу слышать только я? Неужели, заказывая

очередное убийство, он уже понимал, какой конкретной мелодией оно во мне отзовется? И не сам ли вложил ее в мою голову? Поскольку никаких других объяснений не существует, мой взгляд становится убийственно-ироничным.

– Да, я про адажио! – легко признается он. – Более безопасного пути сделать тебя сверхчеловеком просто не было.

Итак, он гнет все ту же линию, называя меня «сверхчеловеком», чтобы привлечь на свою сторону. Но так ли он неправ? Моя самооценка существенно изменилась, и все потому, что приставка «сверх» куда приятнее, чем «недо». Единственное, кем я не стану никогда, – просто человеком, но даже и это уже не вызывает разочарования. А Сидящий во тьме поясняет тем временем, что музыка – защитный механизм. Остановить убийцу может только другой убийца, в отсутствие которого мир становится уязвимым. Понимая это, психологи придумали трюк с мелодией, подсознательно сцепленной с актом устранения цели. Глубочайший гипноз, позволивший внедрить в мой мозг аварийную кнопку.

Так вот почему он не боится! Адажио, льющееся извне, подавляет мелодию, рождающуюся в душе. Сейчас я не могу ничего, даже муху прихлопнуть. Разве что продолжить бессмысленный диалог:

– Даже если бы я захотел, мне не убрать всех членов Клуба. Их слишком много.

– Ты плохо знаешь этих людей. Достаточно разобраться с двумя или тремя, причем с демонстративной жестокостью. Остальные с готовностью пойдут на сделку, – уверенно сообщает Сидящий во тьме.

Сделку? Как же он ошибается! Как не понимает, что если попытаться отнять у них все, члены Клуба будут сражаться до последнего, потому что им есть что терять? В борьбе за выживание нет места для компромисса.

– Никто ничего отбирать не будет, мне нужна власть, а не богатство! Я знаю этих людей. Больше всего их заботит доход, и неважно, кто его приносит – люди или роботы. По сути, для фабрикантов ничего не изменится.

Зная психологию себе подобных, он, похоже, все рассчитал верно, да и по поводу человечества в целом не ошибся. Физический

труд, реальный в своей осязаемости, пойдет людям на пользу, по крайней мере вреда точно не принесет. И все же Сидящему во тьме никогда не взобраться на вершину власти. Во имя чего я должен убивать? Не все ли равно, кто будет управлять этим выжившим из ума миром! Гори оно все огнем, я готов к прозябанию! Буду писать мемуары, пусть попробуют не издать! Еще и прославлюсь.

Бульканье Сидящего во тьме, по-видимому, означает смех. Успокоившись, он говорит, что не замечал во мне раньше способности к самоиронии. И что мы отличная команда. Откуда такая уверенность? Да оттуда, что, совершив убийство раз, остановиться уже невозможно. Это голод, который нужно постоянно утолять.

– Что за чушь! По-вашему, я убийца по призванию?!

– Конечно, – невозмутимо отвечает он. – Не ты ли сам признавался, что был счастлив, исполняя приказ?

– Полагая при этом, что защищаю общество! Теперь все иначе.

– Не обманывайся, тебе нравится сам процесс. Поверь, я знаю, что творится в твоей голове.

А вот и нет! Ему это неизвестно. Мое насильно измененное сознание превратилось в черный ящик, содержание которого не знает никто. Наставляю оружие на Сидящего во тьме и предлагаю:

– Вашу правоту может доказать простой тест. Хотите попробовать?

– Что ты задумал, парень?

Думаю, это попытка потянуть время. Ему страшно. Интуитивно он понимает, что наступил момент истины, за которым либо победа, либо поражение. В такой ситуации некуда отступить.

– Решайтесь! Другого пути нет, – говорю с нервной ухмылкой.

И он решается. Кивает, затем щелкает пальцами. Музыка исчезает. Тишина изумляет – липкая, как патока, со всплесками хрипоты. Остаться неподвижным невозможно: мозг бьется в судороге, разрывая черепную коробку. Как сохранить разум, утратив веру? Рецепта нет, даже когда выбираешь между жизнью и смертью. Ствол мелко подрагивает, что никак не скажется на точности выстрела. Можно ли испытать сожаление, убив человека, сделавшего тебя самого убийцей?

Но противостояние взглядов не длится долго, сквозь всхлипы дыхания Сидящего во тьме пробивается первый аккорд. Второй, третий, и вот уже дьявольская мелодия заполняет меня целиком. Итак, он прав, мне просто нравится убивать. Убивать, невзирая на мораль, а это означает, что моя доза, в отличие от моего сознания, не претерпела изменений. Еле сдерживаюсь, чтобы не нажать на курок. Хочется ли мне всадить пулю в Сидящего во тьме? Безусловно, да. Но целесообразно ли это убийство? Безусловно, нет.

В перекрестном свете его лоб начинает поблескивать – признак страха. Но нельзя не признать, в целом он держится мужественно и не теряет самообладания. Такой достоин быть вождем. Стрелять в того, кто возвращает в твою жизнь, а возможно, и в жизнь целого человечества утерянный смысл, нет никакого резона.

Убираю оружие, и он начинает дышать ровнее. Понимает, что выиграл, но и я не проиграл. Мы нужны друг другу не меньше, чем мишени нужна стрела или безумию – свобода, потому что в одиночку человечество не одолеть. Скорее всего, не одолеть и вдвоем. Как заставить людей выполнять тяжелую и нудную физическую работу, если они от нее отвыкли?!

– Привыкнут снова, – отмахивается он. – Конечно, нам понадобятся надсмотрщики, но не сомневайся, желающих будет хоть отбавляй.

– А недовольных еще больше.

– И пусть! Опасны только вожаки, а с ними ты в состоянии разобратся. И это наименьшая цена, которую придется заплатить обществу ради него же самого.

– Скольким предстоит умереть! – говорю задумчиво.

– Многим, но игра стоит свеч! Человечество перестанет быть паразитом на теле природы.

Пожимаю плечами. Волнует ли меня судьба человечества больше, чем собственная? Или же слепая к нему любовь основана на заблуждении? Какой бы ни была правда, вкус у нее горький.

– Готов ли ты следовать за мной? – спрашивает Сидящий во тьме.

Он знает ответ, но все равно хочет его услышать. Оказывается, и у него тоже есть своя доза, что делает нас равными. Отныне

мы не садовник и ножницы, а две руки прячущегося за спиной демона, ни одна из которых не является правой. И потому все, что мне остается, – смотреть на мир с иронией, притом, что она никогда не заменит любовь. Так кто же я тогда – сверхчеловек или отбракованная деталь, в силу необходимости переставшая быть бесполезной? Наверное, и то, и другое, но от этого не легче. Когда теряешь точку опоры, единственное, что может примирить с жизнью, – мелодия смерти в твоей голове. Пусть же она не смолкает никогда!

– Так ты готов? – снова спрашивает меня Сидящий во тьме, уже более настойчиво.

– Да, мой фюрер! – отвечаю, впечатывая каждое слово в назойливую тишину.

А затем, с ухмылкой глядя ему в глаза, скидываю в приветствии руку. Адажио звучит так неистово, что не вмещается в голове, переполняя пространство чувственной болью. И только теперь я наконец понимаю, что мое отношение к людям не изменилось. Да-да, я по-прежнему люблю вас, все человечество скопом, невзирая на пол и на возраст. И потому оплакиваю каждого, кто падет от моей руки.

Как и всех тех, кто останется в живых.

